

*Памяти Александра Иосифовича Зайцева,
выдающегося ученого-классика, в фокусе
интересов которого, помимо филологии и
истории, всегда стояли философия и политика*

Э. Д. ФРОЛОВ

**ФИЛОСОФ У ВЛАСТИ:
ПРАВЛЕНИЕ ДЕМЕТРИЯ ФАЛЕРСКОГО
В АФИНАХ (317–307 гг. до н. э.)**

В начале нашей работы мы хотели бы привести несколько характерных высказываний, которые могут стать своего рода вехами для трактовки избранного нами сюжета.

Платон. Письма. VII, р. 326a–b: «Человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами» (пер. С. П. Кондратьева).

Цицерон. О законах. III, 6, 14: «Последователь Феофраста, знаменитый Деметрий Фалерский <...> на удивление всем извлек это учение (о государстве. — Э. Ф.) из тайников, где его, пользуясь досугом, скрывали начитанные люди, и вывел его не только на свет солнца и на песок арены, но и для испытаний в битвах. Ведь мы можем назвать многих не особенно ученых людей, бывших великими государственными деятелями, и ученейших людей, неискусных в делах государства; что же касается человека, выдающегося в обоих отношениях, который был бы первым и в занятиях наукой, и в управлении государством, то кто может сравняться с Деметрием Фалерским?» (пер. В. О. Горенштейна).

И.-Г. Дройзен. История эллинизма. Т. II, кн. 3, гл. 3, в пассаже о правлении Деметрия Фалерского: «Это был человек, одинаково одаренный талантом и суетностью, столь же разносторонний в литературном отношении, как и бесхарактерный в политике, словом, бонвиван, который везде умел найти себе место» (пер. М. Шелгунова).

Эд. Вилль. Политическая история эллинистического мира. Т. I, ч. I, гл. 2, § 3, в заключение рассказа о судьбе Деметрия Фалерского после падения его власти в Афинах: «Карьера этого политика-интеллектуала, этого консервативного доктринера, который вполне добросовестно и с совершенным бескорыстием принялся опробовать свои идеи в отечестве, задыхавшемся от чужеземного покровительства, а затем с

© Э. Д. Фролов, 2003

легкостью приспособился к столь отличной атмосфере царского двора, характерна для новых времен (хотя и не лишена precedентов) и в особенности показательна для тенденции, сформировавшейся в школе перипатетиков».

* *
*

І. Исторический фон. В истории Древней Греции в период, который находится на стыке двух эпох — классики и эллинизма, видное место принадлежит Деметрию Фалерскому — философу и оратору, вышедшему из школы Аристотеля и Феофраста, писателю, чьими сочинениями в древности зачитывались многие поколения образованных людей, государственному деятелю, который в последней трети IV в. до н. э. играл заметную роль в политической жизни своего родного города Афин и на протяжении десяти лет был даже его единоличным правителем.

Это было время заката классической полисной цивилизации.¹ На фоне клонившегося к упадку мира греческих городов-государств стремительно возвышалась до того стоявшая в стороне от общегреческих дел Македония, которая при царях Филиппе II (359–336) и Александре Великом (336–323) добила безусловного господства на Балканском полуострове. Тщетными были усилия, прилагавшиеся лидером свободных греческих полисов Афинами, чтобы остановить рост македонского могущества. Отчаянная попытка коалиции свободных греческих городов помешать Филиппу утвердиться в сердце Эллады закончилась их сокрушительным поражением при Херонее и вынужденным вхождением в созданную македонским властителем новую политическую систему — Коринфскую лигу (338 г.).

Чуть позже вызванное неожиданной смертью Филиппа искушение вновь обрести свободу было на корню пресечено кровавым уроком, преподнесенным грекам преемником Филиппа, юным Александром, — уничтожением возмущившихся Фив (335 г.). Равным образом и после

¹Следующая далее историческая справка носит по необходимости лишь самый краткий характер. Более подробный обзор политической истории и социальной обстановки в Греции в переходный период между классикой и эллинизмом (вторая половина IV в. до н. э.) можно найти в следующих трудах: *Пёльман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го нем. изд. (1909 г.) А. С. Князькова, под ред. С. А. Жебелева. Новое издание под ред. М. М. Холода и С. М. Жестоканова. СПб., 1999, с. 304 слл.; *Эллинизм: экономика, политика, культура* / Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1990 (см., в частности, главы, написанные Э. Д. Фроловым, В. И. Исаевой и Л. П. Маринович); *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). М., 1993; *Bengtson H.* Griechische Geschichte, 4. Aufl. München, 1969. S. 293 ff.

смерти Александра новая попытка эллинов во главе с Афинами сбросить македонское иго завершилась полной неудачей. Понеся поражение в так называемой Ламийской войне (323–322 гг.), Афины должны были капитулировать и принять все условия, которые им продиктовал победитель — македонский наместник, «стратег Европы» Антипатр. В Афинах вместо традиционной демократии была установлена олигархия, при которой права гражданства сохранили лишь те, у кого имелось состояние не менее чем в 2000 драхм, т. е. достаточно зажиточные граждане, а радикально настроенных патриотических лидеров Демосфена и Гиперида (оба погибли) сменили творцы нового промакедонского порядка Фокион и Демад (322 г.).

К новой правящей группе примкнул и только еще выходивший тогда на политическую сцену Деметрий Фалерский. Правда, существование новой олигархии оказалось недолгим. Уже в 319 г. смерть Антипатра и борьба за власть в Македонии между новым официальным регентом Полиперхонтом и сыном Антипатра Кассандром дали новый шанс афинским патриотам. Стремясь привлечь к себе симпатии эллинов, Полиперхонт издал манифест о даровании греческим городам свободы и автономии, чем не преминули воспользоваться сторонники демократии. В Афинах было восстановлено народоправство, а Фокион и группа его единомышленников и соратников, в свою очередь, стали жертвами свершившегося переворота. Фокион и ряд его друзей были осуждены и казнены, но Деметрию и некоторым другим удалось вовремя покинуть Афины и укрыться в занятом гарнизоном Кассандра Пирее (318 г.).

Но вот под стенами Афин появился сам Кассандр, и Афины, не получившие никакой помощи извне, вновь должны были капитулировать. После неоднократного обмена посольствами и трудных переговоров, в которых на стороне Кассандра активное участие принимал Деметрий Фалерский, афиняне согласились вновь на введение цензовой, т. е. по сути олигархической конституции. Правда, в отличие от времен Антипатра, ценз был снижен до 1000 драхм, однако новый режим оказался даже не олигархическим, а вполне авторитарным. По предложению Кассандра афинское народное собрание своим голосованием утвердило выдвинутого Кассандром на должность попечителя города Деметрия Фалерского. Так началось в Афинах правление питомца школы Аристотеля и Теофраста, философа-тирана Деметрия Фалерского, которое продолжалось десять лет (317–307 гг.).

II. Источники и историография. Но познакомимся, наконец, с этим историческим персонажем поближе, благо историческая традиция не обошла его стороной и оставила нам хотя и в россыпи, в отрывках, но множество занятых сообщений. Так, по ссылкам у поздней-

ших античных авторов нам известно, что Деметрий Фалерский, сам — крупный писатель, оставил воспоминания о собственном правлении в Афинах — сочинение «О десятилетиях» (Περὶ δεκάετίας), к которому примыкало специальное «Обличение афинян» (Ἀθηναίων καταδρομή) (Diog. L., V, 5, 81; ср: Strab., IX, 1, 20, p.398). О его деятельности писали также современные ему историки: последний и самый значительный из аттидографов Филохор; автор всеобщей истории, продолжавшей традицию Эфора, также афинянин Диилл; наконец, писатели-историки Дурид Самосский, афинянин Демохар и Гиероним из Кардии. Нам известно, что двое из них — Дурид и Демохар — относились к Деметрию враждебно: Дурид, тоже вышедший из школы Феофраста и также ставший тираном (он был правителем на Самосе), — в силу естественного соперничества, а Демохар, продолжатель дела Демосфена (он, кстати, приходился ему племянником), — вследствие принципиального отвержения всего противного демократии. Именно им позднейшая традиция обязана массой отрицательных суждений и сплетен о Деметрии Фалерском. Наоборот, Гиероним из Кардии, как можно судить по изложению опиравшегося на его свидетельства Диодора, судил о Деметрии достаточно объективно и с сочувствием.

Жаль, конечно, что вся эта современная Деметрию литература, включая и его собственные сочинения, до нас не дошла. Но она послужила основанием для развития историко-биографической традиции эллинистическо-римского времени. Среди писателей этого направления нам известны, в частности: от III в. до н. э. — Гермипп из Смирны, грамматик, ученик Каллимаха, составитель биографий знаменитых людей; от II в. до н. э. — Каристий из Пергама, разносторонний писатель, подвизавшийся, в частности, и в историческом жанре, и Гераклид Лемб из Египта, высокий администратор и плодовитый писатель, составивший, помимо прочего, сокращения историко-биографических произведений более ранних авторов (Гермиппа, Сатира и Соттиона); от I в. до н. э. — Деметрий из Магнесии, автор сочинения «Об одноименных поэтах и писателях», и Дидим из Александрии, знаменитый грамматик, автор многочисленных ученых сочинений и комментариев; наконец, от рубежа I–II вв. н. э. — Фаворин из Арелата, ритор, видный представитель второй софистики, писавший как по-гречески, так и по-латыни. К этим известным писателям надо добавить еще и некоего Асклепиада, неизвестного автора, на сочинение которого о Деметрии Фалерском есть ссылка у Афиня (XIII, p. 567d — ὡς Ἀσκληπιάδης εἶρηκεν <...> ἐν τῷ περὶ Δημητρίου τοῦ Φαληρέως συγγράμματι).

Вся эта литература погибла, но на нее в той или иной степени опирались писатели, чьи произведения дошли до нас: историк Диодор, историк и географ Страбон, мастер исторической биографии Плутарх.

тарх, составитель историко-философской антологии Афинеи, которые по отдельным поводам касались и Деметрия Фалерского, и, наконец, Диоген Лаэртский, в составе сочинения которого «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» есть целостная биография Деметрия Фалерского (V, 5, 75–85). Наряду с Диогеном Лаэртским связную справку о Деметрии можно найти и в известном лексиконе Свиды, или Суды, византийского времени (X в.), но ее значение ничтожно (см.: Suidas, s.v. Δημήτριος Φανοστράτου Φαληρεύς).

Понятно, что фигура Деметрия Фалерского не была обойдена молчанием и в историографии Нового времени. О нем можно найти более или менее содержательные пассажи в общих трудах по греческой истории, равно как и в трудах по истории эллинистического времени, в частности, у И.-Г. Дройзена, Р. фон Пельмана, К.-Ю. Белоха, У.С. Фергюсона, Г. Бенгтсона, Эд. Вилля, Клер Прео, Хр. Хабихта². Правление Деметрия в Афинах рассматривалось также в контексте исследований, посвященных истории греческой тирании³. Литературное и научное творчество Деметрия, естественно, затрагивалось в трудах по истории греческой литературы — у Джона Магаффи, Альфреда и Мориса Круазе, Вильгельма Шмида и Отто Штелина, у Б.В. Горнунга, С.И. Соболевского и А.С. Ахманова в фундаментальном академическом труде послевоенных лет⁴. Нет недостатка и в специальных исследованиях, как статьях, из которых особо надо отметить великолепный, обстоятельный очерк Э. Мартини и специальные этюды Д. Коена и Х.-И. Герке⁵, так и монографиях, среди которых вы-

² Дройзен И.-Г. История эллинизма. Т. II / Пер. с франц. М. Шелгунова. М., 1893. С. 128–129, 245–252; Пельман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения. С. 369–372; Хабиخت Хр. Афины: история города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999. С. 58–77; Beloch K.-J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd IV. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1925. S. 104–105, 147–150; Ferguson W.S. Hellenistic Athens: An Historical Essay. London, 1911. P. 38–94; Bengtson H. GG⁴, S. 373–374. 377; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellenistique (323–30 av. J.-C.). T. I. Nancy, 1966. P. 44–45, 61–63; Preaux C. Le Monde Hellenistique: La Grece et l'Orient (323–146 av. J.-C.). T. II. 2-eme ed. Paris, 1988. P. 450–451.

³ Plass H.-G. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Tl. II. Bremen, 1852. S. 116–123; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. Munchen, 1967 (I, S. 386–387; II, S. 707); Mosse C. La tyrannie dans la Grece Antique. Paris, 1969. P. 155–166 (3-eme partie, chapitre II «Demetrios de Phalere, le tyran philosophe»).

⁴ Магаффи Джос. История классического периода греческой литературы / Пер. А. Веселовской. Т. II, М., 1883. С. 371–372; Круазе А., Круазе М. История греческой литературы / Пер. с 7-го франц. изд. В.С. Елисеевой. Под ред. С.А. Жебелева. СПб., 1912. С. 529–530; История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского и др. Т. I–III. М., 1946–1960 (I, с. 47–49, в разделе, написанном Б.В. Горнунгом; II, с. 296–297, в разделе С.И. Соболевского; III, с. 356, в разделе А.С. Ахманова); Schmid W., Staehlin O. Geschichte der griechischen Literatur. Tl. II. Bd 1. München, 1920. S. 76–80.

⁵ Martini E. Demetrios von Phaleron // Paulys Realencyclopaedie der klassischen

деляются фундаментальные труды Хр. Остермана и Эриха Байера⁶. Надежным основанием для изучения жизни и деятельности Деметрия Фалерского являются новейшие комментированные собрания текстов, изданные Фрицем Верли (1949 г.), Уильямом Фортенбо и Экартом Шютрумпом (2000 г.)⁷.

Наше обращение к теме Деметрия Фалерского обусловлено несколькими мотивами. Во-первых, это естественный исторический интерес, поскольку правление Деметрия в Афинах как бы заключает ту более общую тему кризиса классического полиса и возрождения тирании, которой мы давно занимаемся. Кстати, заметим, что в этом плане нашей прямой предшественницей была французская исследовательница Клод Моссе. Во-вторых, очевидна историографическая актуальность обращения к теме Деметрия Фалерского, поскольку в отечественной литературе этот сюжет еще не становился предметом специального рассмотрения. Наконец, в-третьих, мы руководствовались совершенно особым историко-философским мотивом, ибо на примере Деметрия Фалерского, как мы полагаем, можно показать характерную смену ценностных ориентаций в греческом мире при переходе от классики к эллинизму.

III. Биография Деметрия Фалерского до его прихода к власти. Начальный период биографии нашего персонажа известен лишь в самых общих чертах. Деметрий, сын Фанострата, афинянин из дома Фалер, был человеком незнатного происхождения (Diog.L., V, 5, 75: οὐκ εὐγενῆς ὤν). Его семья была связана своего рода клиентскими отношениями с домом Конона и Тимофея (ibid., V, 5, 76: ἦν γὰρ ἐκ τῆς Κόνωνος οἰκίας со ссылкой на Фаворина). Передаваемый Элианом нелепый слух, что Деметрий был домашним рабом (οἰκότριβα γενέσθαι λέγουσιν) Конона или Тимофея (Aelian. V.h., XII, 43), возможно, обязан своим возникновением тому обстоятельству, что отец или дед бу-

---

Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Bd IV. 1901. Sp. 2817–2841; *Cohen D.* De Demetrio Phalereo // *Mnemosyne*. N.S. Vol. 54. 1926. P. 88 sqq.; *Gehrke H.-J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // *Chiron*. Bd VIII. 1978. S. 149–193.

⁶ *Ostermann Chr.* Commentatio de Demetrii Phalerei vita, rebus gestis et scriptorum reliquiis. Hersfeld; Fulda, 1847–1857 (с первым объемным собранием фрагментов); *Bayer E.* Demetrios Phalereus der Athener (Tubinger Beiträge zur Altertumswissenschaft, Heft 36). Stuttgart; Berlin, 1942.

⁷ *Wehrli F.* Demetrios von Phaleron (Die Schule des Aristoteles, Heft 4). Basel; Stuttgart, 1949; *Fortenbaugh W. W., Schuettrumpf E.* Demetrius of Phalerum: Text, Translation and Discussion (Rutgers University Studies in Classical Humanities, Vol. IX). New Brunswick; London, 2000. — Последнее издание состоит из двух больших разделов: первый включает собрание древних текстов, которое подготовили и снабдили английским переводом П. Сторк, Я. М. ван Офойзен и Т. Доранди (P. Stork, J. M. van Ophuijsen, T. Dorandi. P. 1–310, принятое сокращение — SOD); второй — блок статей разных авторов (S. V. Tracy, M. Gagarin, H. B. Gottschalk et al.).

дущего афинского правителя был вольноотпущенником одного из этих аристократов⁸. Как бы то ни было, незнатность происхождения не исключала известной зажиточности, поскольку юный Деметрий, как и его брат Гимерей, обладал и досугом и состоянием, чтобы заниматься философией и политикой.

Свое образование — философское и риторическое — Деметрий завершил в школе перипатетиков: традиция определенно называет его учеником Феофраста (с ним и позднее его связывали узы самой тесной дружбы), но не исключено, что он мог слушать лекции и самого основоположника школы — Аристотеля. Очевидно, что принадлежность к школе перипатетиков, основоположники которой тяготели к македонским правителям, должна была сказаться на последующей политической ориентации Деметрия Фалерского. Что касается его ораторской подготовки, то здесь, помимо теоретической выучки в Ликее, свою роль могло сыграть и раннее знакомство с непревзойденным мастером публичного красноречия Демосфеном. Деметрий сам позднее вспоминал об уроках, вынесенных из этого знакомства, однако, надо заметить, ни приверженцем взглядов Демосфена, ни поклонником его стиля он никогда не был (см.: Plut. Dem., 9. 11. 14, где приводятся и воспоминания, и оценочные суждения Деметрия о Демосфене). Зато показательна дружба Деметрия с известным оратором Динархом (Dionys. Hal. De Dinarcho, 2, 2), который во время скандального процесса Гарпала составил три речи для обвинителей, в том числе для того, который выступал против Демосфена.

Традиция отчетливо определяет момент обращения Деметрия к политической деятельности — год, когда Гарпал с казной бежал от Александра в Афины, т. е. 324 г.: ἄρξασθα δὲ αὐτὸν τῆς πολιτείας <...> ὁπότε φυγὼν Ἀλέξανδρον εἰς Ἀθήνας ἦχεν Ἄρπαλος (Diog.L., V, 5, 75, со ссылкой на Деметрия Магнесийского). Отталкиваясь от этого указания, можно попытаться определить время его рождения — между 355 и 345 гг. (если учесть, что гражданское совершеннолетие для афинян наступало в 20-летнем возрасте, а полная политическая правоспособность — в 30-летнем). Что касается времени его смерти, то оно определяется указанием все той же традиции, что он окончил свои дни в изгнании, в Египте, вскоре после прихода к власти Птолемея II, т. е.

⁸ Martini E. Demetrios von Phaleron. Sp. 2818 (со ссылкой на оставшуюся нам недоступной работу Хр. Остерманна). Впрочем, было бы рискованно настаивать на предположениях, выводимых на основании таких поздних и ненадежных авторов, как Диоген Лаэртский (Фаворин) и Элиан (ср. категорическое отвержение традиции о рабском происхождении Деметрия К.-Ю. Белохом [Beloch K. J. GG², IV, 1, S. 104, Anm. 2]). Единственное, что можно вывести из их свидетельств, так это существование каких-то связей Деметрия с семьей Конона и Тимофея, как полагают некоторые исследователи, в силу родства по браку (см.: Хабихт Хр. Афины. С. 58–59; ср.: Wehrli F. Demetrios von Phaleron. S. 49).

вскоре после 283 г. (ibid., V, 5, 78). Таким образом, круглым счетом время жизни Деметрия Фалерского может быть определено между 355 и 280 гг.

Синхронизация начала политической деятельности Деметрия и процесса Гарпала в Афинах может побудить к спекуляциям на тему о том, принимал ли участие молодой оратор в этом скандальном процессе, и в каком именно качестве, однако никаких оснований к сколько-нибудь определенным заключениям на этот счет у нас нет. Несомненно одно: Деметрий рано приобрел известность как политический оратор (Diog.L., V, 5, 75 — *δημηγορῶν δὲ παρὰ Ἀθηναίους κτλ.*), а первые его шаги на политическом поприще, о которых мы в точности осведомлены, были сделаны им в качестве сторонника Фокиона, т. е. в качестве сторонника той умеренной, во внешней политике настроенной промакедонски группировки, за которой в традиции закрепилось наименование людей благородных, воспитанных и порядочных (*οἱ βέλτιστοι, οἱ ἀστεῖοι καὶ χαρίεντες* [Plut. Phoc., 16, 4; 29, 5; 34, 5]). Вместе с Фокионом он принимал участие в переговорах с Антипатром и Кратером после поражения афинян в Ламийской войне (322 г., Demetr. De elocutione, 289). Затем, судя по всему, участвовал в управлении государством при новой цензовой, т. е., по сути, олигархической конституции. Наконец, после восстановления демократии понес свою долю ответственности за участие в олигархическом правительстве, но, в отличие от Фокиона и ряда других, сумел вовремя ускользнуть из Афин и укрыться в Пирее, который был занят отрядом Никанора, полководца Кассандра (318 г., Plut. Phoc., 35, 4–5; Nepos. Phoc., 3, 1–2). Затем, как уже было сказано, Деметрий принял участие в переговорах между явившимся под стены Афин Кассандром и афинянами, сумел оказаться полезным Кассандру и, после окончательной капитуляции Афин, по рекомендации Кассандра, был избран афинянами на пост попечителя города (весна 317 г.)⁹.

IV. Правление Деметрия в Афинах. Положение самого Деметрия было неоднозначным: хотя фактически он был приведен к управлению волею чужеземного властителя, тем не менее была соблюдена форма законности, поскольку на пост его избрали — по рекомендации Кассандра — голосованием в афинском народном собрании (Diod., XVIII, 74, 3: *συνέθεντο τὴν εἰρήνην ὥστε <...> καταστῆσαι δὲ ἐπιμελητὴν τῆς πόλεως ὃν ἂν δόξῃ Κασάνδρῳ καὶ ἡρέθη Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς*; ср.: CIA, II, 1, N 584 = IG², II, N 1201 = Ditt.Syll.³, I, N 318, с вос-

⁹ Diod. XVIII, 74, 3, под годом архонта Архиппа = Ол., 115, 3 = 318/7 г. до н. э. — И.-Г. Дройзен точнее датировал это событие осенью 318 г., но позднейшая историография вслед за Б. Нисе и К.-Ю. Белохом (*Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Tl. I. Gotha, 1899. S. 247; Beloch K.-J. GG². IV. 1. S. 105*) обычно относит его к первой половине 317 г.

становлением Ад. Вильгельма). Его должность верховного правителя Афин, по-видимому, и в самом деле, как это дважды передано у Диодора (помимо XVIII, 74, 3, см. также XX, 45, 2), обозначалась словом ὁ ἐπιμελητής, что по-русски может быть переведено как «попечитель». Менее убедительными выглядят другие версии, опирающиеся на толкование тех или иных текстов, например, что Деметрий исполнял должность «настоятеля» — ὁ ἐπιστάτης (из Diod., XX, 45, 5 — οὗτος [sc. Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς] ἔτη δέκα τῆς πόλεως ἐπιστατήσας; Strab., IX, 1, 20, p. 398 — ἐπέστησε γάρ [sc. Κάσανδρος] τῶν πολιτῶν Δημήτριον τὸν Φαληρέα) или «предстоятеля» — ὁ προστάτης (из Demochar. ap. Polyb., XII, 13, 9 — αὐτὸν τοιοῦτον γεγονέναι προστάτον τῆς πολιτείας, где слово «простат», очевидно, является неформальным определением). По сравнению с этими версиями прямое и определенное свидетельство Диодора о назначении/избрании Деметрия эпимелетом выглядит, несомненно, более предпочтительным. К тому же, как на это указала К. Моссе, есть хорошие исторические параллели, когда термин «эпимелет» прилагается именно к назначенному чужой властью попечителю. Так, в 293 г. Деметрий Полиоркет назначил Гиеронима из Кардии «эпимелетом и гармостом» в беотийские Фивы (Plut. Demetr., 39, 4)¹⁰.

Для вящего соблюдения законных форм Деметрий также время от времени занимал обычные республиканские должности — архонта (в 309/8 г., Marm.Par., B 22–24, ep. 19; Diod., XX, 27, 1; ср.: Duris ap. Athen., XII, 60, p. 542e) и стратега (CIA, II, 3, N 1217 = IG², II, N 2971 = Ditt. Syll.³, I, N 319, если только эта надпись действительно относится к нашему Деметрию, а не к его одноименному внуку)¹¹. Вообще по

¹⁰ Mosse C. La tyrannie dans la Grece Antique. P. 160. — Большая часть ученых нового времени — от И.-Г. Дройзена до Г. Бенгтсона — убеждена, что официальным обозначением должности, на которую был избран афинянами, по представлению Кассандра, Деметрий Фалерский, было «эпимелет». Против — К.-Ю. Белох, который считает, что ни «эпимелет», ни «эпистат» не могло быть официальным титулом Деметрия, поскольку в Афинах сохранялась республиканская форма государственного устройства. Со своей стороны он полагает, что Деметрий стоял во главе государства в качестве первого стратега («als erster Stratege» [см.: Beloch K.-J. GG², IV, 1, S. 105]). Обстоятельный обзор различных версий относительно официального обозначения должности Деметрия, в связи с восполнением испорченного места надписи Ditt. Syll.³, I, N 318, см. в статье: Dow S., Travis A. H. Demetrios of Phaleron and His Lawgiving // Hesperia. Vol. XII. 1943. N 2. P. 144–156.

¹¹ Эту надпись, сопровождавшую посвящение богам, поставили воины афинских гарнизонов в Элевсине, Панакте и Филе, «увенчавшие стратега Деметрия, сына Фанострата, из дема Фалер» (τὸν στρατηγὸν Δημήτριον Φανοστράτου Φαληρέα στεφανώσαντες). В надписи упоминается, что чествуемый уже трижды исполнял должность стратега и дважды — гиппарха. Надпись обычно связывали со знаменитым Деметрием Фалерским, пока С. В. Трейси не выступил с обоснованием того, что надпись по эпиграфическим признакам должна датироваться серединой III в. и, следовательно, может относиться лишь к внуку тирана-философа (см.: Tracy S. V.: 1) Hands in Greek Epigraphy — Demetrius of Phalerum // Boeotia Antiqua. IV. 1994.

видимости сохранялась традиционная полисная конституция. Сохраняли свое коммунальное устройство низовые общинные ячейки-демы, граждане которых могли собираться на свои собрания и принимать постановления, например, что, конечно, показательно, в честь самого верховного правителя (Ditt. Syll.³, I, N 318 — постановление дема Эксоны, принятое в 318/7 г. в честь Деметрия Фалерского). Продолжали созываться и общие собрания афинских граждан, на которых выбирали должностных лиц и принимали предложенные правителем законы или постановления, например, в честь соратников его самого и его патрона Кассандра (Ditt. Syll.³, I, N 320 — постановление, принятое афинянами в 314/3 г. в честь сатрапа Карики, македонца Асандра, сына Агафона). Тем не менее общий авторитарный характер правления Деметрия Фалерского был очевиден, вследствие чего некоторые древние авторы без обиняков именуют его самого тираном, а его режим — тиранией (к примеру, Paus., I, 25, 6).

Поставленный во главе управления Афин в качестве македонского ставленника Деметрий был в особенности ограничен в том, что касалось внешней политики: она целиком направлялась его властным патроном Кассандром. Однако во внутренней жизни Афин ситуация была иной. После того как конституция Афин вновь была преобразована в олигархическом духе (введение гражданского ценза в 1000 драхм), а Деметрий в качестве избранного по рекомендации Кассандра эпимелета стал гарантом лояльности афинян в их отношении к македонскому властителю (об этих исходных положениях см.: Diod., XVIII, 74, 3), последний практически более не вмешивался в управление городом, и здесь Деметрий мог чувствовать и вести себя как самовластный правитель.

Он начал с общего пересмотра и составления заново свода основных законов, выступив, по отзыву древних, в качестве третьего (очевидно, после Драконта и Солона) великого законодателя афинян (Marq. Par., В 15–16, ep.13, под годом афинского архонта Демогена = 317/6 г., — ὅτε Δημήτριος νόμους ἔθηκεν Ἀθήνησιν; Georgius Syncellus. Ecloga Chronographica, p. 521 Dind. — Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς ἐγνώριζετο τρίτος νομοθέτης Ἀθήνησιν). Нам не известно содержание законодательства Деметрия Фалерского, но можно думать, что оно носило всеобъемлющий характер, касаясь политических институций, правовых процедур

P. 151–161; 2) Demetrius of Phalerum: Who was He and Who was He not? // Fortenbaugh W. W., Schuettrumpf E. Demetrius of Phalerum. P. 334–335). Как бы то ни было, нельзя отрицать возможность замещения Деметрием Фалерским, как это бывало и с другими носителями авторитарной власти, должности стратега. Подтверждением тому может служить упоминание у Полиена о том, что в 307 г., во время рейда Деметрия Полиоркета на Афины, город защищал Деметрий Фалерский *в качестве стратега афинян* (IV, 7, 6 — Ἀθηναίων στρατηγῶν).

и личной жизни граждан. Оно было проникнуто консервативным духом, ориентируясь на вечно модный образец — установления предков (τὰ πάτρια), и отличалось особенным стремлением к упорядоченности, как то и следовало ожидать от политика, получившего ученую подготовку в школе Аристотеля и Теофраста и специально занимавшегося изучением афинского права и конституции. Действительно, древняя традиция свидетельствует, что среди его богатого учено-литературного наследия были специальные труды «Об афинском законодательстве» (Τὰ περὶ τῆς Ἀθηνησὶ νομοθεσίας) в пяти книгах и «Об афинском государственном устройстве» (Περὶ τῶν Ἀθηνησὶ πολιτειῶν) в двух книгах (Diog. L., V, 5, 80)¹².

Более мы осведомлены о государственной политике Деметрия Фалерского. Она характеризовалась рядом новаций, подчас, несомненно, позитивного свойства. В особенности велики были его заслуги в области экономической и социальной.

Прежде всего он привел в порядок финансовые дела и довел государственные доходы до впечатляющей суммы в 1200 талантов в год. Об этом свидетельствует хорошо осведомленный современник Дурид Самосский: Δημήτριος δ' ὁ Φαληρεὺς <...> χιλίων καὶ διακοσίων τάλαντων κατ' ἐνιαυτὸν κύριος γινόμενος (Duris ap. Athen., XII, 60, P. 542b-c; ср. также: Aelian. V.h., IX, 9, где, впрочем, вместо Деметрия Фалерского ошибочно назван другой Деметрий — Полиоркет). Это был большой успех, уступавший разве что достижениям знаменитого Ликурга, возглавлявшего финансовое ведомство Афин в 338–326 гг., при котором ежегодные государственные доходы Афинского государства достигали 1200–1500 талантов¹³.

Мало того, Деметрий добился общего экономического благоденствия, изобилия и дешевизны всех жизненно необходимых товаров в Афинах. Об этом свидетельствует другой современник — Демохар, по словам которого Деметрий «превозносил себя за то, что многие предметы потребления дешево продавались в городе и все жизненные припасы имелись в изобилии» (Demochar. ap. Polyb., XII, 13, 9–10).

Далее, в целях оздоровления экономической и социальной жизни Деметрий, действуя в духе давно уже забытых инициатив Солона, провел ряд законов против роскоши. Так, по свидетельству специально изучавшего этот вопрос Цицерона, он запретил неумеренные траты на

¹²О вкладе Деметрия Фалерского в афинское законодательство см. также: Gagarin M. The Legislation of Demetrius of Phalerum and the Transformation of Athenian Law // Fortenbaugh W. W., Schuettrumpf E. Demetrius of Phalerum. P. 347–365.

¹³Ps.-Plut. Vitae X or. Lyc. P. 841b; Decreta. 3. P. 852b. Ср.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 176–177, 260–261; Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. С. 62–73; Хабитт Хр. Афины. С. 29–37.

погребальные обряды и сооружение дорогих гробниц и памятников, ограничив набор последних небольшой колонной, или столом, или чашей (Cic. De leg., II, 25, 64; 26, 66). В этой же связи, по свидетельству современников — перипатетика Линкея (брата Дурида), комедиографов Тимокла и Менандра, аттидографа Филохора, он установил нормы трат на разного рода торжества, жертвоприношения и пиршества, определив, в частности, что количество гостей на любом пиру не должно превышать тридцати (Lynceus, Timocles, Menander et Philochor. ap. Athen., VI, 45–46, p. 245 a–c).

Возможно, что были установлены также запреты на использование предметов роскоши в быту. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании сообщения Диогена Лаэртского, согласно которому киник Кратет из Фив в ту пору подвергся преследованию в Афинах за то, что его одежда была из дорогого тонкого полотна, так называемого синдона (Diog. L., VI, 5, 90).

Можно спорить о том, какова была скрытая интенция таких ограничительных мер — демократическая (или, скорее, популистская), рассчитанная на завоевание симпатии масс, или же аристократическая, имевшая в виду сохранить видимое корпоративное равенство среди представителей гражданской элиты¹⁴. Но вот что касается другой очень важной меры — устройства дела с издержками на музыкальные и танцевальные состязания и обучение и содержание хоров для драматических представлений, — то здесь социальная направленность реформы Деметрия не подлежит никакому сомнению: она была проведена, без всяких сомнений, в пользу состоятельных слоев.

В самом деле, в прежние времена несение этих издержек составляло содержание одной из самых разорительных литургий, возлагавшихся на богатых граждан, — хорегии¹⁵. По свидетельству Плутарха, Деметрий Фалерский считал эту литургию сущей пагубой для тех, кому приходилось ее нести (Plut. De gloria Ath., 6, p. 349 c). И вот при нем, как это впервые было установлено на основании эпиграфических данных У. Кёлером¹⁶, с этой практикой было покончено. Впредь хорегию стал исполнять сам народ (ὁ δῆμος ἐχορήγει), т. е. издержки приняло на себя государство, причем конкретно заведовать этим стало специальное должностное лицо — устроитель состязаний, агонифет (ἀγωνοθέτης), в распоряжение которого предоставлялись определенные государственные средства, но от которого ожидалось и дополнительное

¹⁴Ср. рассмотрение этой альтернативы с защитой именно второй, аристократической, тенденции, у Хр. Хабихта (Афины. С. 61).

¹⁵См.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I–II. СПб., 1997 (I. С. 267–269, II. С. 279–280).

¹⁶См. его статьи в «Athenische Mitteilungen» (Bd III. 1878. S. 229–241) и «Rheinisches Museum» (Bd 53. 1898. S. 492f.), а также комментарий к надписи IG², II, N 3073.

личное вложение. Предполагают, что при Деметрии Фалерском богатые люди были избавлены и от других обременительных литургий, в частности и от столь же разорительной триерархии¹⁷.

Особый аспект внутренней политики Деметрия составляла его строительная деятельность. Здесь линия его поведения характеризовалась известной двойственностью. С одной стороны, следуя все тому же принципу экономии, он и в сфере строительства, по-видимому, старался соблюдать меру (ср. его критические отзывы о тратах Перикла на сооружение Пропилеев: Cic. De off., II, 17, 60). Однако Деметрий не был бы носителем авторитарной власти, всегда склонной к самовозвеличению, если бы вовсе не тратился на монументальные сооружения. Скорее наоборот: согласно общему мнению античности, передаваемому Диогеном Лаэртским, «стоя у власти, он сделал для родного города много самого хорошего, обогатив его и доходами и постройками (καὶ γὰρ προσόδοις καὶ κατασκευαῖς ἠΐξῃσε τὴν πόλιν)» (Diog. L., V, 5, 75). Так, известно, что при нем к храму Деметры и Керы, сооруженному в Элевсине еще при Перикле архитектором Иктином, был добавлен по фасаду внушительный портик, благодаря чему здание приобрело вид роскошного простила. Новое сооружение было возведено известным архитектором Филоном (Vitruv. De arch., VII, praef., 16–17), который прежде руководил сооружением морского арсенала в Пирее (см.: Ditt. Syll. ³, III, N 969 — надпись с предписаниями относительно строительства этого арсенала, датируемая 347/6 г.)¹⁸.

Если таким образом афинская архитектура не осталась вовсе без живительных инициатив, то этого нельзя сказать о пластических искусствах. Ограничения, наложенные законом Деметрия на сооружение погребальных памятников, положили конец традиции, в русле которой афинскими мастерами было создано множество прекрасных рельефных и статуарных изображений. Впрочем, негативное последствие для искусства, проистекшее от закона Деметрия, не должно ставить под сомнение целесообразность самого его законодательства в принципе¹⁹.

Но вернемся к собственно культурной политике Деметрия. Здесь необходимо коснуться еще одной черты, которой отличалось его правление, — того размаха и той пышности, с которыми устраивались при нем всякого рода фестивали. По отзыву Плутарха, Деметрий, подобно Периклу, относился к числу тех искусных политиков, которые, удерживая народ от крайних проявлений вольности, умели предоставлять

¹⁷Ср.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. II. С. 280; Martini E. Demetrios von Phaleron. Sp. 2825; Mosse C. La tyrannie. P. 163; Gehrke H.-J. Das Verhältnis von Politik und Philosophie... S. 171–173; Хабихт Хр. Афины. С. 62–63.

¹⁸Ср. также: Martini E. Demetrios von Phaleron. Sp. 2824; Хабихт Хр. Афины. С. 35 и 68.

¹⁹Martini E. Demetrios von Phaleron. Sp. 2824–2825; Хабихт Хр. Афины. С. 61–62.

ему свободу в мелочах и в этой связи понимали роль всякого рода празднеств и зрелищ, которые могли доставить согражданам необходимую разрядку (Plut. Praes. ger. ger., 24, p. 817f–818e: <...> ἔχειν δὲ πολιτικώτερον παράγγελμα, τὸ τὰ μικρὰ τοῖς πολλοῖς προιεσθαι χαρίζομενον ἐπὶ τῷ τοῖς μείζοσιν ἐνίστασθαι καὶ καλύειν ἐξαμαρτάνοντας <...> καὶ γὰρ τοῖς Περικλέους πολιτεύμασι καὶ τοῖς Δημητρίου πολλὰ τοιαῦτ' ἔνεστι <...>)²⁰.

Руководствуясь этим соображением, а к тому же обладая вкусом к свободным искусствам и ценя все проявления культуры, Деметрий много внимания уделял надлежащему оформлению всякого рода государственных торжеств, театральных представлений и иных фестивалей. О фантастическом обрамлении устраиваемых при нем процессий с негодованием рассказывает один из его критиков Демохар (Demochar. ap. Polyb., XII, 13, 11). Можно предполагать также, что он придал новый вид состязаниям рапсодов, в связи с чем стояло переименование их в гомеристов (Ομηρισταί, Aristocles ap. Athen., XIV, 12, p. 620b). Впрочем, в чем конкретно состояло существо этой новации, судить трудно.

Нет нужды распространяться о том, что просвещенный правитель благоволил ко всякого рода философским занятиям, оказывая особое покровительство своей родной школе перипатетиков. Так, по свидетельству Диогена Лаэртского, он помог Теофрасту приобрести в собственность сад, чем, по-видимому, было завершено формирование комплекса Ликейя (Diog. L., V, 2, 39). У того же Диогена можно найти сообщения об услугах, оказанных Деметрием схолярху платоновской Академии Ксенократу, киренаику Феодору и кинику Кратегу (см. соответственно: IV, 2, 14; II, 8, 101; VI, 5, 90).

Понятно, что весь этот комплекс финансово-экономических, социальных и морально-бытовых мер не мог обойтись без соответствующего оформления — не только законодательного, но и институционного. В этой связи особого внимания заслуживают административные реформы Деметрия. Он учредил новые коллегии номофилаков (буквально «стражей законов»), гинекономов («надзирателей за женщинами») и апостолеев («отправщиков [кораблей]»). Что учредителем этих коллегий был именно Деметрий Фалерский, это, строго говоря, — предположение, но предположение весьма вероятное. Оно опирается на то обстоятельство, что об этих должностях Филохор — наш главный источник — рассказывал в 7-й книге своей «Аттиды», где давался обзор событий с 318 до 311 г. (Philochor., fr.141 sqq. M = FgrHist 328 F 64 sqq.). Оно согласуется с упоминаниями у разных других авторов о гинекономах в связи с мерами Деметрия против роскоши. Наконец,

²⁰Ср.: Gehrke H.-J. Das Verhältnis von Politik und Philosophie... S. 173, 185–186.

оно подкрепляется созвучием функций этих учреждений — мы имеем в виду институты номофилаков и гинекономов — как в практике Деметрия, так и в теории Аристотеля (о чем речь пойдет далее): их назначение отвечало отчетливо выраженной аристократически-консервативной охранительной тенденции.

Правда, согласно одному из фрагментов «Аттиды» Филохора, номофилаки были учреждены в Афинах Эфиальтом в связи с его реформой Ареопага (Philochor. ap. Lex. Cantabr., s. v. νομοφύλακες = fr.141 b M), однако это свидетельство стоит совершенно особняком и находится в явном противоречии с массой других сообщений и указаний. Поэтому представляется правильным либо вовсе его отвергнуть, либо, допуская раннее существование номофилаков, видеть в них второстепенную коллегию, может быть, ведавшую хранением законов, которая позднее была преобразована Деметрием Фалерским в важный контрольный орган²¹.

Итак, номофилаки (числом семь) должны были, во-первых, следить за тем, чтобы должностные лица соблюдали законы, а во-вторых, заседая вместе с проэдрами в президиуме народного собрания или совета, не допускать принятия решений, вредных для государства — τὰς δὲ ἀρχὰς ἡγάγαζον τοῖς νόμοις χρῆσθαι, καὶ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν τῇ βουλῇ μετὰ τῶν προέδρων ἐκάθηντο κωλύοντες τὰ ἀσύμφορὰ τῇ πόλει πράττειν (Philochor., fr.141a–b M). В этом последнем качестве они были схожи с другим хорошо известным консервативным институтом пробулов.

Обязанностью гинекономов было, вопреки их более конкретному наименованию, следить за исполнением законов против роскоши не только женщинами, но всеми вообще людьми. Эту обязанность разделяли с ними, по-видимому, ареопагиты и астиномы (Philochor., fr. 143 M; ср. также: Lynkeus, Timocles et Menander ap. Athen, VI, 45–46, P. 245a–c; Cic., De leg., II, 26, 66; для астиномов — Diog. L., VI, 5, 90).

Что касается апостолеев, то это была должность более частного, именно военно-морского назначения; их функции заключались в подготовке к отправке кораблей в плавание (Philochor., fr. 142 M).

К области административных новаций Деметрия надо отнести также и проведенную им то ли в год своего архонтства (т. е. в 309/8 г.), то ли, может быть, даже в первый год своего попечительства — здесь мнения расходятся²² — перепись всего населения Аттики, вклю-

²¹ Ferguson W. S. The Laws of Demetrius of Phaleron and Their Guardians // Klio. Bd XI. 1911. Heft 3. P. 271–276; Bayer E. Demetrius Phalereus der Athener. S. 25–35, 132–136; Gehrke H.-J. Das Verhältnis von Politik und Philosophie... S. 151 ff., 189–191.

²² Первую дату принимают, в частности: Дройзен И.-Г. История эллинизма. Т. II. С. 247; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I. С. 184 (прим. 1); вторую —

чая граждан, метеков и рабов — ἐξετασθὸν γενέσθαι ὑπὸ Δημητρίου τοῦ Φαληρέως τῶν κατοικούντων τὴν Ἀττικὴν (Ctesicl. ap. Athen., VI, 103, p. 272c). В результате оказалось 21 тыс. граждан, 10 тыс. метеков и 400 тыс. рабов (последняя цифра, как известно, вызывает сомнения у большинства ученых Нового времени, но нам сейчас необязательно касаться этой полемики)²³.

Проведение этой переписи должно было стоять в связи, если и не прямо во времени, то по существу, с реализацией нового, более либерального в сравнении с временем Антипатра и Фокиона, гражданского ценза. Действительно, если в 322 г., при цензе в 2000 драхм, полноправных граждан оказалось лишь около 9000 (Diod., XVIII, 18, 4–5; Plut. Phoc., 28, 7), то теперь, при цензе в 1000 драхм, их число возросло более чем вдвое, достигнув 21 тыс. Вместе с тем в плане идеальном напрашивается сопоставление социальной политики Деметрия Фалерского с учением его духовного наставника Аристотеля о предпочтительной форме государственного строя, об условно-образцовой, или средней, политике (ἡ μέση πολιτεία), при которой носителями политических прав и власти выступают граждане, способные приобрести тяжелое гоэлитское вооружение²⁴.

В этом отношении показательно мнение Э. Мартини. «Законодательная деятельность Деметрия, — пишет он, — лишь тогда поддается пониманию в полном объеме, если ее рассматривать с точки зрения зависимости от политических теорий Аристотеля. Идеал, который представлялся Фалерцу при осуществленной им организации афинской общины, был не чем иным, как аристотелевской политией *par excellence*, той государственной формой, которая представлялась как смешение олигархии и демократии, при которой ни богатые, ни неимущие не имели решающего значения, а только средний слой граждан (ср.: Arist. Pol., IV, 8, p. 1293b 33). Это было, по его мнению, лучшее достижимое при данных условиях государственное устройство. Посредством введения относительно низкого ценза (1000 драхм <...>), который позволял пользоваться активными гражданскими правами, Деметрий достиг того, что средний слой граждан составил решающее большинство в государстве»²⁵.

Bayer E. Demetrius Phalereus der Athener. S. 21–25; *Mosse C.* La tyrannie dans la Grece Antique. P. 161–162.

²³Подробнее об этой полемике см.: *Доватур А. И.* Рабство в Аттике в VI–V вв. до н. э. Л., 1980. С. 29 слл.

²⁴О взглядах Аристотеля на этот предпочтительный вид средней политики подробнее см.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 37 слл.

²⁵*Martini E.* Demetrios von Phaleron. Sp. 2827. — Того же мнения держится и К.-Ю. Белох: «Деметрий был озабочен тем, чтобы по возможности осуществить государственный идеал школы перипатетиков» (*Beloch K.-J.* GG². IV. 1. S. 147). Нако-

В этом плане также вызывает интерес очевидная перекличка административных реформ Деметрия Фалерского с положениями политической теории родоначальника школы перипатетиков. Мельком уже упоминалось о созвучии функций номофилаков и гинекономов в Афинах времени правления Деметрия и в «Политике» Аристотеля. Последний не раз упоминает о связи этих должностей с аристократически-консервативным строем и о большом значении их контрольной деятельности. В этой связи приведем наиболее интересные высказывания автора «Политики».

При обсуждении форм государственного строя, в разделе о монархии, III, 11, 3, р. 1287a 18–22: «Предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек (καὶν εἴ τις ἀρχεῖν βέλτιον), следует назначать этих последних стражами закона и его слугами (νομοφύλακας καὶ ὑπηρετάς τοῖς νόμοις)» (здесь и далее пер. С. А. Жебелева — А. И. Доватура).

При обсуждении видов государственной власти, в разделе о законодательной власти, IV, 11, 9, р. 1298b 26–30: «В олигархиях (ἐν δὲ ταῖς ὀλιγαρχίαις) следует либо добавлять путем избрания известное число людей из народной массы, либо установить такую должность, какая существует в некоторых государствах, — пробулов и номофилаков (προβούλους καὶ νομοφύλακας), и обсуждать только те дела, о которых они представят свои предварительные заключения (περὶ ὧν ἂν οὗτοι προβουλεύσωσιν)».

При обсуждении видов государственной власти, в разделе об исполнительной власти, IV, 12, 9, р. 1300a 4–8: «Педономы, гинеконы и другие должностные лица, имеющие подобную область ведения, — все это должности, свойственные аристократии, а не демократии (ἀριστοκρατικόν, δημοκρατικόν δ' οὐ). Каким образом гинеконы могли бы, например, запрещать женам бедняков выходить из дому? Гинекономия, впрочем, не свойственна и олигархическому строю: ведь жены олигархов живут в роскоши».

При обсуждении организации демократических и олигархических государств, в разделе о магистратурах, VI, 5, 13, р. 1322b 17–1323a 9: «В государствах, где больше досуга и благоденствия и где, сверх того, заботятся о добронравии, бывают следующие особые должности: гинекономия, номофилаксия, педономия, гимнасиархия <...>. Некоторые из этих должностей явно не свойственны демократии (φανερῶς εἰσὶν ... οὐ δημοτικά); таковы, например, гинекономия и педономия. Ведь

нец, как можно видеть по цитате, приведенной в начале нашего этюда, это мнение разделяет и Эд. Виль (см.: *Will Ed. Histoire politique du Monde Hellenistique*. T. I. P. 44, 63).

неимущим людям приходится пользоваться в качестве слуг и женами и детьми за неимением рабов. Из трех должностей, на которые некоторые избирают должностных лиц с верховными полномочиями, именно номофилаков, пробулов и членов совета, номофилаки — аристократическое установление (ἀριστοκρατικόν), пробулы — олигархическое (ὀλιγαρχικόν), совет — демократическое (δημοκρατικόν)».

Очевидно, что высказывания Аристотеля о назначении институтов, подобных номофилакам и гинекономам, были связаны с представлениями о корпоративно-аристократическом строе. Очевидна также близость охарактеризованных им институтов учреждениям и законодательству Деметрия Фалерского. Спрашивается, однако, в какой степени административные реформы Деметрия были продиктованы идеями его старшего наставника? И можно ли считать эти реформы реализацией идей Аристотеля?

Нам кажется, правы те из ученых Нового времени, которые, не исключая известной близости, с осторожностью относятся к возможности прямой органической связи новаций Деметрия с идеями Аристотеля. Такому форсированному сближению слишком мешают авторитарное положение и стиль политики и поведения Деметрия. По существу, он был самовластным правителем, тираном, и его заботы по поддержанию благоразумия и благонравия в родном городе не мешали ему самому самым резким образом нарушать принципы аристократической корпоративности. Об этом свидетельствует прежде всего вызывающе роскошный образ жизни, которого он держался; высказывания древних по этому поводу отнюдь не должны быть чистой выдумкой (ср. мнения ранних авторов — Дурида и Каристия, представленные у Афиней, Athen., XII, 60, р. 542b — 543a; ср. также: Aelian. V.h., IX, 9, где, впрочем, ошибочно все это приписано другому Деметрию — Полиоркету). О том же говорят вотированные Деметрию в Афинах (и, несомненно, им же самим инспирированные) невероятные почести, среди которых чаще всего упоминают воздвижение ему в течение неполного года более 300 статуй, изображавших его по большей части верхом на коне или стоящим на колеснице (Nepos. Miltiad., 6, 4; Strab., IX, 1, 20, р.398; Diog. L., V, 5, 75). Наконец, примечательным является и тот факт, что правление Деметрия в Афинах было отмечено такой характерной для эпохи эллинистических властителей чертой, как формирование культа самого правителя. По свидетельству Дурида, сохранившему у Афиней (XII, 60, р. 542e), в год архонства Деметрия, во время празднества в честь Диониса, в песнопении в честь божества звучали и такие слова: «Особенно же отличает тебя божественными почестями благородный солнцеподобный архонт (εὐγενέτας ἡλιόμορφος ἄρχων)».

Ввиду всего этого истинную подоплеку реформ Деметрия Фалер-

ского правильнее было бы искать не столько в философском доктринерстве, прямолинейном желании выученика Ликея воплотить в жизнь идеи его наставников, сколько в целенаправленном стремлении государственного деятеля, достигшего положения авторитарного властителя, стабилизировать социальную ситуацию в своем городе, по возможности опереть свою власть не только на внешнюю силу, но и на целую систему социально направленных и по видимости легитимных мер и законоположений и, таким образом, сделать ее популярной в наиболее значимой среде состоятельных граждан. При этом, разумеется, столь образованный политик, как Деметрий Фалерский, не мог не воспользоваться как практическим опытом других греческих государств, переживавших сходные с Афинами ситуации социально-политического кризиса, так и навеянными этим же опытом рекомендациями близкой ему философской школы²⁶.

Просвещенный характер правления Деметрия Фалерского и заботы его по благоустройству города и обеспечению сносного уровня жизни для соотечественников не заменили, однако, для них утраченной свободы и демократии. По-видимому, в течение всего времени правления Деметрия в Афинах существовала скрытая оппозиция его режиму, которая только ждала удобного момента для выступления. В условиях общей политической нестабильности, характерной для греческого мира в эпоху диадохов, такой случай рано или поздно должен был представиться. Многое здесь зависело от прочности положения патрона Деметрия — Кассандра. Последний в сложной политической игре сумел переиграть официального македонского регента Полиперхонта и, в конце концов, утвердился в Македонии. Но очень скоро ему пришлось принять участие в борьбе диадохов против непомерно усилившегося Антигона. Здесь Кассандр действовал в союзе с остальными противниками Антигона — Птолемеем, Лисимахом, Селевком, сатрапом Карии Асандром.

Понятно, что Деметрию Фалерскому время от времени приходилось принимать участие в военных предприятиях Кассандра. Так, в 314 г. по требованию Кассандра ему пришлось отправить эскадру в 20 кораблей для операций против державшего сторону Антигона Лемноса. Операция закончилась полной неудачей и гибелью всей афинской эскадры (Diod., XIX, 68, 3–4).

Это был ощутимый урон для афинского флота и несомненно тяжелый удар по престижу Деметрия. Но гораздо более опасной оказалась

²⁶См.: *Хабихт Хр.* Афины. С. 63–64; *Bayer E.* Demetrios Phalereus der Athener. S. 21–93; *Gehrke H.-J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie... passim; *Gottschalk H.-B.* Demetrius of Phalerum: A Politician among Philosophers and A Philosopher among Politicians // Fortenbaugh W. W., Schuettrumpf E. Demetrius of Phalerum. P. 367–380.

ситуация в 312 г., когда военачальник Антигона, его племянник Птолемей завладел городом Оропом на границе Аттики и Беотии, привлек на свою сторону также эвбейские города Эретрию и Карист и начал вторжение в саму Аттику. Оппозиция не замедлила воспользоваться удобным случаем. «Афиняне, — пишет Диодор, — поначалу тайно послали гонцов к Антигону, прося освободить их город, а затем, когда Птолемей появился вблизи города, осмелев, принудили Деметрия заключить перемирие и отправить к Антигону послов для переговоров о союзе» (Diod., XIX, 78, 3–4).

В тот момент Кассандр и Деметрий были близки к тому, чтобы лишиться: первый — важнейшего опорного пункта в Греции, а второй — своего властного положения. Их спасло тогда лишь внезапное изменение ситуации: сын Антигона Деметрий потерпел сокрушительное поражение от войск египетского правителя Птолемея при Газе, что заставило Антигона пойти на заключение мира со своими противниками (311 г.).

Вообще режим Деметрия держался лишь до тех пор, пока была эффективна поддержка создавшего его Кассандра. Как только внешняя ситуация обострилась и появилась опасность, которую патрон Деметрия не смог упредить, правлению македонского ставленника пришел конец. Это произошло в 307 г., когда противники Кассандра Антигониды совершили мощное вторжение в Элладу, подкрепленное по-прежнему весьма эффективным пропагандистским приемом — обещанием предоставить эллинам свободу. Появление в гавани Пирея флота Деметрия Полиоркета моментально вызвало взрыв энтузиазма у афинян. Войско Деметрия Фалерского отказалось сражаться, а народное собрание принудило его начать переговоры с «освободителем». Правитель-философ должен был капитулировать. Победитель отнесся к нему с уважением и позволил удалиться за пределы Афин, снабдив надлежащей охраной. Последнее было тем более необходимо, что возродившаяся в Афинах демократия дала волю своей нелюбви к тирану: статуи его были немедленно сокрушены, а некоторые даже переплавлены в ночные горшки, а в списке архонтов против имени Деметрия Фалерского поставили «[год] беззакония (ἀνομία)» (Marm. Par., В 24–25, ep.20; Philochor. ap. Dion. Hal. De Dinarcho, 3, 4–5; Diod., XX, 45, 1–5; Plut. Dem., 8–10; Polyae., IV, 7, 6; Diog. L., V, 5, 76–77. 79)²⁷.

V. Жизнь Деметрия в изгнании. Деметрий удалился в Беотию, в оставшиеся под контролем Кассандра Фивы, где он провел следу-

²⁷Падение власти Деметрия Фалерского, согласно древней хронографической традиции — Паросскому мрамору, свершилось в год, когда в Афинах архонтом был Кэрим (Καίριος), т. е. в 308/7 г., а по дополнительному сообщению Плутарха — в конце 11-го афинского месяца Фаргелиона, т. е. в начале июня 307 г. до н. э. (ср.: *Beloch K.-J.* GG². IV. 1. S. 150).

ющие десять лет, влача довольно жалкое существование (Plut. Quomodo adulator ab amico internoscatur, 28, p. 69 c–d: περί Θήβας ἀδοξῶν καὶ ταπεινὰ πράττων διήγειν). Когда же, после смерти Кассандра (297 г.), ситуация и здесь стала для него ненадежной, он нашел приют в Египте. Здесь, при дворе Птолемея I, он жил на положении привилегированного царского советника (Plut. De exilio, 7, p. 601f–602a: πρῶτος ὢν τῶν Πτολεμαίου φίλων; Reg. et imp. apophthegmata, p. 189d; Diog. L., V, 78; Cic. De fin., V, 19, 53–54).

В этом качестве им был инициирован ряд важных новшеств. Так, им была составлена, по-видимому, по образцу афинской, конституция для города Александрии. Такой вывод делается на основании слов Элиана: «А в Египте, где его принял Птолемей, он стал блюстителем закона» (καὶ ἐν Αἰγύπτῳ δὲ συνὼν τῷ Πτολεμαίῳ νομοθεσίας ἤρξε, Aelian. V.h., III, 17)²⁸. Им же была подана мысль и начата подготовка к учреждению в Александрии первого в эллинистическом мире государственного научно-культурного центра — Мусейона с прилегающей к нему библиотекой (Aristeas. Epistula ad Philocratem, 9–10; Georgius Syncellus. Ecloga chronographica, p. 518 Dind.; Ioannes Tzetzes. Prolegomena de comoedia Graeca, proemium II)²⁹. Наконец, в связи с учреждением последней им же, если верить традиции, был составлен проект перевода на греческий язык священного писания евреев, их Библии (Aristeas. Ep. ad Phil., 9–11, 28–32, 301–317; Ioseph. Contra Apionem, II, 45–47; Clem. Alex. Strom., I, 22, 148, 1; Tert. Apol., 18, 5)³⁰.

Впрочем, реализация двух последних проектов была осуществлена

²⁸ *Martini E.* Demetrios von Phaleron. Sp. 2821; *Preaux C.* Le Monde Hellenistique. T. II. P. 590–591.

²⁹ Часть исследователей, подчеркивая ненадежность исходного пункта традиции о роли Деметрия Фалерского в основании Александрийской библиотеки (ибо первое по времени свидетельство принадлежит апокрифу Псевдо-Аристея от конца II в. до н.э.), отвергает предание (см., в частности: *Martini E.* Demetrios von Phaleron. Sp. 2837–2838), но большинство следует ему (см.: *Деревицкий А. Н.* О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. Харьков. 1891. С. 49–52; *Mueller-Graupa.* Museion // RE. Bd XVI. Hbbd. 31. 1931. Sp. 803; *Bayer E.* Demetrios Phalereus der Athener. S. 105–108; *Wehrli F.* Demetrios von Phaleron. S. 54–55; *Preaux C.* Le Monde Hellenistique. T. I. 3-eme ed. 1989. P. 133, 232.

³⁰ Предание об этом предприятии Деметрия Фалерского, как всецело восходящее к Псевдо-Аристею, как правило, отвергается (см.: *Martini E.* Demetrios von Phaleron. Sp. 2838; *Wehrli F.* Demetrios von Phaleron. S. 55; *Preaux C.* Le Monde Hellenistique. T. II. P. 569–570). Однако скепсис ученых Нового времени необязательно разделять в полном объеме: легендарные подробности можно отбросить, но зерно предания — об интересе учредителей Александрийской библиотеки к сочинениям не только греческим, но и иностранным, в том числе и к книгам древних евреев, можно оставить. К тому же надо быть последовательным: если мы доверяем преданию об участии Деметрия в основании Александрийской библиотеки, то мы должны отнестись с доверием и к его ответвлению — преданию о переводе (или начале работы над переводом) книг еврейского Закона по почину все того же Деметрия Фалерского.

только позднее, уже без Деметрия. Дело в том, что в его жизни случилась новая и самая страшная катастрофа. Он имел неосторожность ввязаться в династические споры в семействе престарелого царя Птолемея I. Он поддержал претензии на наследование сына Птолемея от Эвридики — Птолемея Керавна, однако царь отдал предпочтение другому сыну — от Береники, который стал его соправителем (с 285 г.), а затем и преемником (283 г.). С воцарением Птолемея II звезда Деметрия закатилась окончательно: он был взят под стражу и сослан в сельскую местность, где и умер спустя какое-то время, по официальной версии, от укуса змеи (Diog. L., V, 78–79; Cic. Pro Rabirio Postumo, 9, 23).

* *
*

Здесь мы теперь и остановимся. Мы сделали по возможности подробный обзор жизни и общественной деятельности Деметрия Фалерского. Следовало бы, конечно, добавить к этому столь же подробное рассмотрение его ораторской и учено-литературной деятельности, благо античное предание сохранило немало указаний и суждений о его качествах оратора и его многочисленных трудах самого разного характера — исторических, политических, философских, литературоведческих. Ибо, по свидетельству его античного биографа, «обилием сочинений и количеством строк он превзошел едва ли не всех перипатетиков своего времени, будучи более всех и образован и многоопытен» (Diog. L., V, 5, 80, с приложением длинного перечня произведений Деметрия). Однако от выполнения этой задачи, как сейчас не самой главной для нас, мы воздержимся или, по крайней мере, отложим до другого раза, а пока подведем итоги обозрению реальной биографии нашего героя.

В деятельности Деметрия Фалерского особенно примечательно сочетание ученых и государственных занятий. Он действительно представлял собой то редкое явление правителя-философа, которое Платон считал залогом успешного управления государством. А по мнению Цицерона, он в этом плане вообще являлся исключением (см. высказывания, приведенные в начале нашего очерка). Конечно, остается вопрос, в какой степени Деметрий Фалерский отвечал высоким требованиям Платона. Даже не входя в детали его научного творчества, можно усомниться в том, насколько оригинальными были взгляды и труды этого, как бы там ни было, не самого важного отпрыска школы перипатетиков. Сомнения вызывает также и соответствие его деятельности в качестве правителя Афин теоретическим положениям его учителей Аристотеля и Теофраста. Тем не менее отрицать известной переключки государственных деяний Деметрия и идейных установок

его наставников не приходится, что делает, в принципе, обоснованным приведенное выше суждение Цицерона.

Но личность Деметрия Фалерского интересна и в более общем плане. Ее можно считать знаковой для той эпохи, промежуточной между классикой и эллинизмом, когда решительно менялись ценностные ориентиры и трансформировались традиционные качества общественного деятеля. Именно в ту пору, на исходе IV столетия, на смену классическому типу оратора, использовавшего красноречие как орудие активной общественной борьбы, явился новый вид мастеров красноречия, сделавших публичную речь изящнее, но одновременно превративших ее в род чистого искусства — в показательное выступление на отвлеченную тему. Конечно, и до того уже были виртуозы эпидейктического (показательного) красноречия. Можно вспомнить об известных представителях старшей софистики Протагоре и Горгии и выступившем чуть позже Исократе. Но в сравнении с представителями живой публичной речи, судебной или политической, они были фигурами маргинальными. Теперь же, когда с кризисом республиканского строя пришло в упадок и нормальное публичное красноречие, в моду вошли ораторы-декламаторы.

Отличие нового модного типа красноречия от прежнего — и именно на примере Деметрия Фалерского — прекрасно охарактеризовал Цицерон. «Когда эти ораторы (имеются в виду Демосфен и его современники Гиперид и Эсхин, Ликург и Динарх. — Э. Ф.) были уже стариками, им на смену пришел юный Деметрий Фалерский; самый образованный из них, он, однако, был подготовлен не столько для настоящих сражений, сколько для учебных состязаний. Поэтому афинянин он скорее очаровывал, чем воспламенял, так как на поле битвы, под жаркие лучи солнца он вышел не из палатки воина, а из тенистых приютов ученейшего Феофраста. Деметрий первый сделал речь гибкой, придал ей мягкость и нежность и больше любил казаться не внушительным, а приятным, каким он и был на самом деле. Но это была приятность, которая вливалась, а не врывалась в душу; память о его сладкозвучии сохранилась в потомстве, но в отличие от Перикла, изображенного Евполидом, он не сумел вместе с удовольствием оставить и жало в сердцах своих слушателей» (Brut., 9, 37–38)³¹.

Равным образом и в теоретических ученых занятиях смелая трактовка принципиальных вопросов государственной и человеческой жизни сменилась антикварно-правовыми, литературоведческими, риторическими и этико-философскими изысканиями и, конечно же, состав-

³¹Сходные, но более краткие отзывы Цицерона о красноречии Деметрия Фалерского см.: De orat., II, 23, 95; Brut., 82, 285; Orator, 27, 92, 94; ср. также суждения Квинтилиана: Inst. or., II, 4, 41–42; X, 1, 33, 80.

лением трактатов ad usum principis. Действительно, в творчестве Деметрия Фалерского были представлены все эти направления. В частности, к антикварно-правовому жанру относились, по-видимому, сочинения «Об афинском законодательстве», «Об афинском государственном устройстве», «О политике», «О законах», «Перечень архонтов»; к литературоведческому — «Об Илиаде», «Об Одиссее», «Эзоповы басни», «Об Антифане»; к риторическому — «О риторике», «Изречения»; к этико-философскому — «О любви», «О вере», «О милости», «Об удаче», «О великодушии», «О старости», «Апология Сократа»³², — все это жанры и темы, которые останутся излюбленными для историко-антикварных и этико-философских занятий ученых позднейшего эллинистическо-римского времени, от Зенодота и Каллимаха до Плутарха и Диона Хрисостома.

Что же касается трактатов, содержащих наставления для правителей, то начало этому жанру было положено еще в классическую эпоху писателями, проявлявшими повышенный интерес к монархии, — Ксенофонтом (в «Гиероне» и «Киропедии») и Исократом (в речах «К Никоклу» и «Филиппу»)³³, примеру которых последовал и основатель Ликейя Аристотель. Последний, согласно традиции, составил еще для юного Александра небольшое сочинение «О царской власти» (Περὶ βασιλείας), а позднее для него же — «Александр, или В защиту поселенцев» (Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποίκων) (Diog. L., V, 1, 22)³⁴. Равным образом и у Феофраста были специальные сочинения «О царской власти» (Περὶ βασιλείας) и «О воспитании царя» (Περὶ παιδείας βασιλέως) (ibid., V, 2, 42). У следовавшего в русле их учено-литературных опытов Деметрия Фалерского аналогичный характер, возможно, носило упомянутое в списке Диогена Лаэртского сочинение «Птолемей». По догадке А. Н. Деревницкого, напомнившего, что Деметрий играл при Птолемеи I роль советника, сочинение это «было не исторического и не хвалебного содержания, как обыкновенно думают, а скорее представляло нечто вроде докладной записки или проекта рекомендуемых автором мероприятий и преобразований, т. е. относилось к разряду

³²Названия произведений Деметрия даны в тех версиях, которые были предложены М. Л. Гаспаровым в его переводе сочинения Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (М., 1979).

³³Подробнее см.: Фролов Э. Д. Факел Прометея (очерки античной общественной жизни). 2-е изд. Л., 1991. С. 307 слл., 336 слл., 346 слл.

³⁴См. также: Деревницкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в Древней Греции. С. 50 (прим. 76); Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, Bd II. München, 1926. S. 72; Weil R. Aristote et l'histoire. Paris, 1960. P. 157–159. — Мы не касаемся здесь еще одного сочинения — дошедшего в средневековой арабской рукописи так называемого Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам, подлинность которого остается сомнительной (см.: Кошелевко Г. А. Аристотель и Александр // ВДИ. 1974. № 1. С. 22–44).

так называемых λόγων συμβουλευτικῶν (совещательных речей)»³⁵.

Под стать этим переменах в риторических и философских занятиях, также и в политике на смену отважным поборникам принципиальных республиканских истин пришли более осторожные служители, чей успех зависел от правильного выбора властительного патрона. В конечном счете таким именно служителем был и Деметрий Фалерский, сначала при Кассандре, а затем при Птолемее I.

Конечно, его десятилетнее правление являло собой не худшую пору в истории эллинистических Афин. Древние авторы признавали, что он обеспечил своему городу продолжительный мир (Diod., XVIII, 74, 3), что его стараниями возросли государственные доходы и материальное благосостояние населения (Duris ap. Athen., XII, 60, p. 542b–c; Philochor. ap. Polyb., XII, 13, 9–10), что его законодательство и реформы содействовали упорядочению и оздоровлению социальной жизни, а строительная и культурная политика — благоустройству и украшению города (Diog. L., V, 5, 75), что, наконец, его обхождение с согражданами, несмотря на собственное властное положение, отличалось похвальной благожелательностью (Diod., l.c.). Отсюда некоторыми делались выводы о том, что его правление было в общем благословенным временем для афинян (Diog. L., l. c.; Aelian. V.h., III, 17; Cic. De re publ., II, 1, 2).

Даже в том, что касалось политического режима при Деметрии, не было недостатка в хвалебных отзывах. Так, по словам Страбона, «Деметрий не только не уничтожил демократии, но даже еще больше укрепил ее (ὅς οὐ μόνον οὐ κατέλυσε τὴν δημοκρατίαν ἀλλὰ καὶ ἐπὶ νώρθωσε), как это явствует из „Воспоминаний“, которые он написал о своем правлении» (Strab., IX, 1, 20, p. 398). Но здесь уже являлась крайность, несомненно, продиктованная некритическим восприятием апологии Деметрия. На самом деле при нем республиканский строй был фикцией; даже созданная им цензовая конституция, как отметил Плутарх, была лишь на словах олигархией, а по сути, в силу могущества Деметрия, превратилась в монархию (Plut. Demetr., 10, 2: λόγῳ μὲν ὀλιγαρχικῆς, ἔργῳ δὲ μοναρχικῆς καταστάσεως γενομένης διὰ τὴν τοῦ Φαληρέως δύναμιν). Мало того, сама монархическая система носила марионеточный характер, ибо изначальным творцом и гарантом ее был чужеземный властитель — Кассандр. Так что и в политике, как и в ораторском деле и в ученых занятиях, Деметрий Фалерский являл собой причудливую фигуру пережившего свой век носителя классических традиций, ставшего по необходимости субалтерном новой эллинистической системы.

³⁵ Деревицкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. С. 52 (прим. 78).